

ДРЕВНИЙ МИР ВО ВРЕМЕНА
ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ
КЛЕОПАТРЫ В 51 Г. ДО Р. Х.

ЧЕТВЕРТЫЙ
СВИТОК

ГЛАВА 1

В тесной каюте корабля, прокладывавшего свой путь по высоким волнам моря, я мучительно рождалась заново. Я ослабела, меня мутило, я лежала на койке, которая брыкалась и подпрыгивала, не давая покоя ни днем ни ночью. Но все это меня не волновало; хуже, чем мне было тогда, человеку быть не может, вне зависимости от обстоятельств и окружения. Я чувствовала себя так, словно мне предстоит вечно лежать на вонючей койке в темноте. Я была мертва — мертва, как Цезарь.

Тесная каюта, отсутствие света, запах и плеск воды — все казалось ужасным повторением того пути к Цезарю, который я проделала, завернутая в ковер, четыре года назад. Целую жизнь тому назад. Сейчас меня увозили от него, и я знала, что никакие земные пути уже не сведут нас. Тогда мое сердце бешено колотилось от рискованной игры, теперь же, перенеся чудовищный удар, оно еле билось. Шли дни, а я оставалась пленницей этой сырой раскачивающейся каюты; у меня возникало странное ощущение, будто время потекло вспять и я возвращаюсь в темноту влажного материнского чрева, в забвение, в ничто.

Я не ела. Я не просыпалась — или, может быть, не спала. И не думала. Мыслей у меня не было, но я видела сны — неотступные, непрестанно кружившие вокруг меня. Мне снился Цезарь; я видела его то живым и полным сил, то на погребальных дрогах, пожираемого пламенем. Когда я начинала метаться, кричать или бормотать в бреду, Хармиона всегда оказывалась рядом со мной, брала за руки, успокаивала. Я поворачивалась, опять закрывала глаза, и демоны сна забирали меня обратно.

Мне удалось продержаться в Риме до отплытия, и те дни походили на кошмар больше, чем страшные сны, донимавшие по ночам. Но воспоминаний у меня почти не осталось: все, что происходило после похорон, воспринималось смутно. Я покинула Рим, вот

и все. Уехала, как только смогла, хотя и не сбежала прямо с форума на готовый к отплытию корабль. И, лишь оказавшись в безопасности на борту и увидев, как побережье Италии исчезает вдаль, я вошла в каюту, легла и умерла.

Хармиона делила со мной ужасную каюту, день за днем сидела рядом, читала мне, пыталась отвлечь от всепоглощающего мира сновидений. Она заказывала поварам подкрепляющие блюда — похлебку из свежельвленной рыбы, вареный горох и чечевицу, медовые лепешки, — но вид и запах еды вызывал лишь тошноту, из-за чего я чувствовала себя еще хуже.

— Ты исхудала, как мумия, — укоряла меня Хармиона, обхватив мое запястье кольцом своих пальцев. — Разве это царская рука? Будь на ней браслет кандаке, тебе не хватило бы сил поднять ее.

Она пыталась шутить:

— Слышала, что твой предок Птолемей Восьмой был не в меру тучным. Ты хочешь искупить это, превратившись в скелет?

Она взывала к моей гордости:

— А если бы Цезарь увидел тебя сейчас?

Но все было бесполезно. Порой мне чудилось, что Цезарь поблизости, что он наблюдает за мной, понимает мое состояние и сочувствует — ведь он сам страдал падучей. В другие моменты мне казалось, что он исчез без следа, оставив меня в этом мире без защиты и в полном одиночестве, словно я никогда не была ему близка. Тогда я думала: не имеет никакого значения, как я выгляжу. Его нет, он больше никогда меня не увидит.

Дни, однако, шли, и, поскольку я все же не умерла, а жизнь — если то была жизнь — в конечном счете берет свое, я постепенно родилась снова, появилась на свет из поглотившей меня невесомой, лишенной времени тьмы. Когда я снова вышла на палубу, мне показалось, что слишком яркий свет режет глаза, слишком сильный ветер обжигает кожу, а чрезмерная синева моря и неба невыносима для взора. Чтобы смотреть в сторону горизонта, где эти ослепительно-синие пространства сходились вместе, мне приходилось прищуриваться. Больше ничего видно не было: ни суши, ни облаков.

— Где мы? — спросила я Хармиону в тот первый день, когда она вывела меня на палубу.

Голос мой дрожал и звучал едва слышно.

— Посередине моря — на полпути к дому.

— А, да.

По дороге в Рим я живо следила за маршрутом и желала, чтобы ветры наполняли паруса и подгоняли нас как можно быстрее. Теперь я не имела ни малейшего представления о том, сколько времени мы находимся в море и когда прибудем на место. Это меня не волновало.

— Мы отплыли из Рима почти тридцать дней тому назад, — сказала Хармиона, пытаясь разжечь во мне хоть какой-то интерес или, по крайней мере, вернуть мне осознание времени.

Тридцать дней. Значит, Цезарь мертв уже почти тридцать пять дней. Сейчас любая дата для меня соотносилась только со смертью Цезаря. До того или после и насколько раньше или позже.

— Сейчас уже начало мая, — мягко сказала Хармиона, стараясь вразумить меня.

Май. В это время в прошлом году Цезаря не было в Риме. Как раз в мае он выдержал свою последнюю, как выяснилось, битву, при Мунде в Испании. Оставался почти год до того дня, когда он пал под ударами убийц. Год назад я ждала его в Риме.

Но ждать его возвращения пришлось долго. Вместо Рима он отправился в свое поместье в Лавик и там написал завещание — документ, в котором он назвал своим наследником Октавиана, а нашего сына Цезариона не упомянул вообще.

Это воспоминание пробудило во мне росток некоего чувства, пробивавшегося на поверхность сознания, как головка папоротника. Росток был бледен и слаб, но он жил и рос.

Точнее, стоило говорить не о чувстве, а о сложной смеси различных чувств: печаль, сожаление, гнев. Он вполне мог бы официально назвать Цезариона своим сыном, даже если по римскому закону сын от иностранки не имел права стать наследником. Требовалось только имя Цезаря — отцовское признание, а не собственность. Теперь же и навсегда враги получили основание утверждать, что Цезарион не сын Цезаря — ведь, в конце концов, диктатор не упомянул его в своем завещании! Люди, видевшие своими глазами, как он поднял Цезариона над толпой в знак признания отцовства, все забудут, постареют и умрут, а завещание, как исторический документ, останется и никогда не потеряет силы.

«О Цезарь! — мысленно воскликнула я. — Почему ты покинул нас с сыном еще прежде того, как покинул сей мир?»

Я вспомнила свою радость после его возвращения, когда я не знала, чем он занят у себя в поместье. О да, он разумно и логично

объяснил, почему Цезарион не может стать его законным наследником. Однако несколько слов в завещании — всего несколько слов! — не стоили бы Цезарю ничего, а нам их отсутствие обойдется очень дорого.

Слабая и дрожащая, я вернулась в каюту. На сегодня дневного света мне хватило с излишком.

Сознание восстановилось и ожило гораздо раньше, чем мое бедное тело. Разум не желал возвращаться в затягивающий мир ночных кошмаров, а потому постепенно начал проявлять интерес к действительности. Я стала размышлять и о том, как обернулись дела в Риме после моего отплытия и как отреагировали на случившееся в Александрии. Что вообще известно в Египте? Может быть, там и не знают о мартовских идах?

Когда я покинула Италию, сухопутные курьеры еще спешили в Аполлонию к Октавиану, чтобы оповестить того о неожиданном изменении обстоятельств. Как он поступит, можно было только гадать. Октавиан занимался тем, что совершенствовал свои познания; должности Цезаря по наследству не передавались, а имущественными вопросами занимались законники. По большому счету возвращаться сейчас в Рим для него не имело смысла: места, достойного наследника Цезаря, там не было. Для кресла в сенате он слишком молод, а полное отсутствие какого-либо военного опыта не позволяло ему рассчитывать на командную должность в армии. Бедный Октавиан, подумала я. Его политическое будущее представлялось мне унылым.

И Антоний — что произошло с Антонием? Он надеялся в какой-то мере заменить Цезаря, взять на себя управление государством, стабилизировать ситуацию, а потом согнать убийц с их наеста и осуществить месть. Но что произошло на самом деле?

«А какая тебе разница?» — спросила я себя.

С Римом покончено. Он умер со смертью Цезаря. Будь Цезарион упомянут в завещании, связь с Римом сохранилась бы. Но этого не случилось, и она разорвана. Нет больше сената, нет больше Цицерона, нет больше форума, нет больше Антония, нет больше Октавиана. Все в прошлом.

От такой мысли мне немного полегчало. Я не хотела, чтобы моя нога когда-либо снова ступила на землю этого города. Города, который Цезарь так любил; города, который предал его и убил.

Но телесно я оставалась слабой и изможденной, физические силы не возвращались. Отвращение к еде, летаргия и крайняя усталость не выпускали меня из своей крепкой хватки.

Капитан и слуги поставили на палубе удобное складное ложе в надежде на то, что свежий морской воздух даст мне силы. Теперь, как настоящий инвалид, я проводила время на воздухе, обложенная подушками и укрытая от солнца гигантским балдахином, апатично наблюдая за танцем волн и поживаясь, когда до ложа долетали случайные брызги.

— Сейчас мы проходим между Критом и Киреной, — сказал мне капитан. — Половина пути осталась позади.

Кирена. Там разводят розы и быстрых коней. Цезарь любил и то и другое.

В ту ночь, когда я приготовилась улечься на опостылевшую койку, Хармиона открыла крохотное окошко, чтобы впустить немного воздуха, и закутала меня в одеяла.

— Я устала от этой болезни, в чем бы она ни заключалась, — сказала я, глубоко вздохнув.

Она по-прежнему приносила мне еду, возбуждающую аппетит, и я ощущала себя все более виноватой из-за того, что день за днем отказывалась подкреплять силы. Худоба моя производила тягостное впечатление: в зеркало смотрело незнакомое скуластое лицо с почти прозрачной кожей нездорового розового оттенка.

— В чем бы она ни заключалась? — повторила Хармиона. — Я думаю, мы обе хорошо знаем, в чем тут дело, госпожа.

Я молча воззрилась на нее. Что она имела в виду? Может быть, болезнь видят другие, а я о ней не подозреваю? Проказа? Или хуже того, помутнение рассудка, очевидное для всех, кроме жертвы?

— Ты хочешь сказать, что я действительно больна?

Вопрос прозвучал спокойно, но это стоило мне усилий. Лишь сейчас, заподозрив у себя неизлечимую болезнь, я вдруг осознала: несмотря ни на что, я очень хочу жить.

— Да, больна, и весьма распространенной болезнью. Ну ладно, будет тебе. Совсем не смешно, и я не знаю, почему ты все скрывала так долго. Заставляла меня беспокоиться, готовить для тебя Osborne блюда, — между прочим, это довольно хлопотно.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Пожалуйста, перестань! Зачем ты притворяешься, будто не понимаешь?

— Что?

— Прекрати эту игру! Ты прекрасно знаешь, что ждешь ребенка! Я изумленно воззрилась на нее. Ничего подобного я услышать не ожидала.

— Почему... с чего ты взяла?

— Потому что это очевидно! У тебя все симптомы беременности. Имей в виду, я твое лицо вижу, а ты нет. Оно у тебя точно такое же, как в первый раз.

У меня вырвался горький смешок. Какая жестокая ирония. Боги посмеялись надо мной. Они посмеялись надо мной и над Цезарем, над нами обоими. Неужели это правда? Да, в один миг я поняла, что Хармиона права, уронила голову и разрыдалась.

Хармиона опустила на колени рядом со мной и погладила меня по голове:

— Прости. Я не хотела тебя расстраивать, но мне и в голову не приходило, что ты не чувствуешь собственного состояния. Ох, я могла бы сообразить: ты пережила такое потрясение, что потеряла представление и о реальности, и о времени. Прости меня!

Я разрыдалась. Как могла из ужасной смерти зародиться новая жизнь? Это казалось неприличным, неестественным.

Если бы... если бы это случилось раньше, пока мы были в Риме, дела пошли бы по-другому. Весь Рим видел бы и знал обо всем. Но теперь он тут ни при чем.

Корабль продолжал разрезать волны, оставляя белый пенный след. Паруса наполнились ветром, натягая мачту, словно им не терпелось прибыть к месту назначения. Создавалось впечатление, что чем дальше от прибрежных вод Италии, тем больше прити у корабля, как будто суровая десница Рима властвовала и над близкими морями, посягая на все, что проплывает мимо.

Теперь я почувствовала, что настроение мое начинает подниматься, подобно пузырькам, всплывающим к свету из темных морских глубин. Я возвращалась к простой, обыденной, повседневной жизни. Пусть меня окружают бесхитростные честные люди, пусть на стол подадут безыскусные блюда, пусть с неба глядят знакомые созвездия — звезды, что были моими старыми друзьями и остались на своих привычных местах, там, где их легко найти.

Хармиона не переставала сокрушаться и каяться, балуя меня еще больше прежнего, хотя я и заверяла ее, что ничуть не обижена — глупо обижаться на правду. Столь же глупо с моей стороны столько времени проваляться на койке, подобно выброшенной на берег медузе.

Я старалась вести себя активнее, что давалось мне с большим трудом. Беременность протекала не так, как первая, когда я — бодрая, полная энергии — следила за ходом боевых действий в Александрийской войне, заботилась о том, чтобы предоставить кров и уход участникам сражений, а ночи напролет предавалась любовным утехам с Цезарем. В те беспокойные дни, полные событий, я почти не замечала своего положения.

Война... Благодаря той войне Александрия осталась моей, и сейчас мне было куда вернуться. Но она досталась дорогой ценой, и я не должна допустить, чтобы такая цена была уплачена зря.

Однажды, стоя рядом со мной на палубе в безлунную ночь, капитан сообщил, что на следующий день мы будем дома. Вокруг нас шумели волны, но их скрывала тьма, сияли лишь звезды. Не видела я и маяка.

— Мы еще слишком далеко в открытом море, — сказал капитан. — На самом деле огонь маяка виден и отсюда, но с такого расстояния он кажется одной из звезд. Ближе к рассвету ты узнаешь его.

— Это было хорошее путешествие, — сказала я. — Я должна поблагодарить тебя за то, что ты благополучно доставил нас через море.

— Благодарить еще рано: плавание в открытом море, конечно, сопряжено с трудностями, но в прибрежных водах Александрии с их рифами, мелями и островками опасностей не меньше. Особенно непросто провести корабль узким каналом между Фаросом и молотом, когда преобладают сильные северные ветра. Там мало пространства для маневра.

Воистину море непредсказуемо: смерть подстерегает мореплавателя как вдали от берегов, так и в прибрежной гавани, где до суши рукой подать.

— Я не сомневаюсь в твоём искусстве, — заверила я капитана.

Задолго до рассвета я вышла на палубу, чтобы не пропустить тот момент, когда на сером туманном горизонте появятся очертания Александрии. И это случилось. Сначала город казался призрачным, подернутым дымкой, а маяк с его мигающими огнями возносился к небесам, как храм.

Мой дом! Я вернулась домой! Мой город ждал меня!

По приближении к берегу капитан поднял над кораблем царский флаг, и к восточной дворцовой пристани устремились толпы народу. За время долгого путешествия, лежа в постели, я столько раз воображала себе встречу с моим городом, что она не должна была стать потрясением. Однако вид собравшихся людей показался мне непривычным. Они — во всяком случае, в толпе — отличались от римлян, хотя с первого взгляда я не могла сказать, чем именно. Отсутствием тог? Яркостью и пестротой одежд? Разнообразием цветов кожи и языков, на которых звучали приветствия?

Мы спустились по сходням под восторженные возгласы — не столь оглушительные, как на триумфах Цезаря, но ведь и толпа по сравнению с римской была невелика. Зато эти крики звучали в мою честь, и такого я не слышала вот уже два года.

— Я вернулась в Александрию с радостью! — воскликнула я и воздела руки к небу, благодаря Исиду за благополучное возвращение. — Я вернулась к тебе, мой народ!

Толпа с ликованием выкрикивала мое имя — ласкавшие сердце звуки. В Риме я почти позабыла о них. Возгласы в честь Цезаря звучали иначе.

Ворота распахнулись, приглашая на территорию дворца. Нас ждали изящные белые храмы, павильоны и сады с синими, как сапфиры, цветами, с длинными каналами и высокой ранней травой.

Как я могла так долго обходиться без них? Ведь это истинный рай!

— Ирас! Мардиан! Олимпий!

Все они, самые любимые и преданные мои слуги, стояли на ступеньках дворца. Один за другим они спускались ко мне, преклоняли колени, потом вставали.

— Наконец-то! — сказал Мардиан. — Ты не представляешь, как я мечтал о твоём возвращении.

— Он имеет в виду, что смертельно устал от управления государством, — заметил Олимпий с такой знакомой иронией в голосе. Как я могла так долго без нее обходиться? — Ты посмотри на него. Он сгорбился, как какой-нибудь ученый из Мусейона. Согнулся под тяжким бременем государственных забот.

— Что ж, Мардиан, тебе нужно отправиться в Гимнасион и выпрямить спину, — сказала я. — Нельзя допустить, чтобы эта ноша сломала ее.

Наблюдая за Цезарем, я хорошо усвоила, что управление государством — занятие слишком трудное, непосильное для одного человека. Но мне повезло: в отличие от него у меня имелись сановники, которым можно доверять.

— Ваше величество, — промолвила Ирас, сияя улыбкой. — Это были очень долгие два года.

Она приветствовала меня искренне, но несколько официально, что непривычно контрастировало с манерой Хармионы. Неожиданно я поняла, что благодаря этой поездке в Рим Хармиона теперь будет мне ближе всех: она разделила со мной не только трудное путешествие, но и общие воспоминания.

Позади всех, чуть поодаль, стоял смуглый красавец. Надо же, Эпафродит! Похоже, он все-таки решил, что основные его обязанности связаны с дворцом, а не с портовыми складами.

— Добро пожаловать домой, ваше величество, — сказал он, шагнув вперед.

— Я рада видеть тебя, — сказала я и не покривила душой.

Меня и вправду порадовало, что этот человек, так ценящий свободу, предпочел дела страны своим собственным заботам.

Внутри дворца я почувствовала себя непривычно: в целом здесь все осталось прежним, но накопившиеся мелкие перемены сделали знакомый облик почти чужим. Или я просто отвыкла? Неужели этот коридор всегда был таким темным? А держатели для факелов — они старые?

Не так ли чувствует себя мертвец, вернувшийся в собственный дом после смерти?

Прогуливаясь по этим коридорам, я вновь ощутила себя привидением, своим собственным призраком.

Покои Цезаря... Комната, что была моей, нашей... Почему она изменилась, стала чужой? Стол другой, стена перекрашена, мозаика тоже другая... Дух Клеопатры покинул это место.

«Перестань, — сказала я себе. — Остановись! Не смей больше воображать эту комнату такой, как раньше!»

Я стояла в своей комнате, наполненной голубоватым светом. Свет проникал сквозь невесомые полупрозрачные занавески, шевелившиеся под легким ветерком. Комната была идеально чиста, что возможно лишь в помещении, где никто не живет. Без людей вещи остаются незапятнанными и неповрежденными почти вечно, пока природа не положит конец их существованию посредством землетрясения или пожара — такой же чистый и безупречный конец.

Я покачала головой, отгоняя неуместные мысли. Чтобы избавиться от наваждения, я заговорила с Ирас:

— Дорогая, получила ли ты мое письмо, написанное зимой?

Если она получила, значит корабль с почтой обогнал наш, хотя мы отплыли почти сразу, едва появилась возможность выйти в море.

— Нет, моя госпожа, — ответила Ирас.

— Значит, ты прочтешь его, когда новости устареют. Не правда ли, письмо, прибывающее позже того, кто его написал, — это нечто странное?

— Не столь странное, как письмо от мертвеца.

Цезарь!

— Ты получила послание от... — начала я, но спохватилась.

Какая нелепость! Он не стал бы писать мне в Александрию, когда я находилась рядом с ним в Риме. Неужели я схожу с ума?

— Из царства мертвых? — Я неуклюже закончила фразу, пытаясь обратить все в шутку.

— Нет, моя госпожа, — мягко ответила Ирас, и по ее глазам было видно: она поняла, о чем я подумала. — Наверное, ты хотела бы отдохнуть.

Кровать действительно манила к себе. Ужасные события в Риме, долгое морское путешествие, беременность — все это опустошило и ослабило меня до такой степени, что впору было и впрямь ложиться в постель среди дня. Однако я вовсе не собиралась поддаваться слабости.

— Ничего подобного, — бодро заявила я, хотя все тело ныло. — Кто укладывается спать в полдень?

— Всякий, кто в этом нуждается, — убежденно ответила Ирас. — Но, госпожа, что же ты написала мне в письме? В том, которое ты обогнала.

Повторять эту новость раз за разом у меня не хватало сил.

— Я расскажу, но не сейчас, а когда все соберутся меня послушать. Когда узнаю, какие последние новости получали в Александрии.

Остаток дня я посвятила тому, что заново знакомилась с собственным дворцом. Я стояла подолгу у окон верхнего этажа и глядела на поблескивающую гладь гавани, потом пробегала пальцами по мраморным инкрустациям на стенах у себя в кабинете и обводила взглядом полки, заставленные обитыми бронзой шкатулка-

ми со старой корреспонденцией, описями дворцового имущества и сводными отчетами о налогах и переписях. Полный государственный архив хранился в другом месте, но эти документы позволяли понять текущее состояние дел моего царства.

Разумеется, сановники старались держать меня в курсе всех событий, насколько это было возможно. Однако, учитывая расстояние между нами и невозможность поддерживать связь круглый год, я отчетливо сознавала: чтобы наверстать упущенное, мне придется зарыться в бумаги на несколько дней. Правда, благодарение богам, урожай за истекший период были хорошими, и никаких катастроф в Египте не произошло.

Может быть, пока я была с Цезарем, часть его удачи перешла и ко мне?

Собрание я назначила на вечер. Я надеялась, что у меня хватит на это сил, поскольку завтра предстояло рано встать и отправиться в город. День обещал быть очень длинным. Я решила, что купание и смена одежд помогут мне, и с наслаждением погрузилась в свою большую мраморную ванну — после столь долгого перерыва. Не жась в душистой воде, я поглядывала вниз на гавань, где воды было еще больше. Ванна стояла позади ширмы из слоновой кости, между моей спальней и висячим садом на крыше. Хотя дворец возведен как раз над морем, для купания и стирки в нем использовалась чистая дождевая вода. Для моей ванны ее нагревали, а потом слегка охлаждали и добавляли ароматические масла. Воду покрывала тонкая маслянистая пленка, и на поверхности возникала переливчатая рябь. Вкупе с запахами все это было подлинным успокоительным бальзамом. Казалось несообразным, что такой комфорт, такая невинная роскошь существует бок о бок с миром насилия и смерти и при этом может доставлять нам удовольствие. Все-таки по сути своей мы ужасающе примитивные существа.

После купания я облачилась в одежды, которые не брала с собой в Рим, что делало их новыми по ощущению. Я надела оставшиеся дома золотые украшения, не снимая медальона, подаренного мне Цезарем. Ему предстояло познакомиться и подружиться со всеми моими бусами и ожерельями.

Мы встретились в зале, предназначенном для частных трапез, что позволило мне до прихода приглашенных устроиться на ложе, прикрыв ноги подолом своего платья. Утощения не подавали: мне не хотелось привлекать внимание к тому, что я ем, а что нет.